

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

**ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ
УКРЕПЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ
ГОСУДАРСТВЕННОСТИ**

Часть 71

Сборник статей

Томск
Издательский Дом Томского государственного университета
2016

УДК 347.9+343.95+343
ББК 67.692.0+628+67.408
П68

Научные редакторы:

д-р юрид. наук, профессор *М.К. Свиридов*,
д-р юрид. наук, доцент *О.И. Андреева*

Ответственный редактор

канд. юрид. наук, доцент *И.В. Чаднова*

Правовые проблемы укрепления российской государственности :
П68 сб. статей / науч. ред. М.К. Свиридов, О.И. Андреева ; отв. ред.
И.В. Чаднова. – Томск : Издательский Дом Томского государствен-
ного университета, 2016. – Ч. 71. – 248 с.

ISBN 978-5-94621-592-3

В сборник включены статьи участников Всероссийского форума «Правовые проблемы укрепления российской государственности: уголовный процесс, правоохранительная деятельность и прокурорский надзор», посвященные актуальным теоретическим и практическим вопросам уголовного процесса, теории и практики прокурорского надзора и деятельности по расследованию преступлений.

Для преподавателей, аспирантов и студентов высших юридических учебных заведений, а также практических работников правоохранительных органов.

УДК 347.9+343.95+343
ББК 67.692.0+628+67.408

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Томского регионального отделения Общероссийской общественной
организации «Ассоциация юристов России».*

надзорными органами в Томской области, можно с уверенностью сказать, что это невозможно.

С учетом категории уголовных дел, представляющих особую сложность, зачастую многоэпизодных, в рамках которых допрашивается значительный круг потерпевших и свидетелей, пока суд рассмотрит «основное дело», могут пройти многие месяцы. Легального основания для приостановления расследования по уголовным делам в отношении лиц, заключивших досудебные соглашения о сотрудничестве, нет, как нет и оснований месяцами расследовать уголовные дела. Указанные проблемы должны найти решение в правоприменительной практике, в том числе путем внесения изменений в уголовно-процессуальное законодательство.

ЛИТЕРАТУРА

1. Тисен Н. Заключение нового досудебного соглашения о сотрудничестве при изменении обвинения на более тяжкое // Уголовное право. 2015. № 4. С. 109–112.
2. Александров Р.А. Проблемы рассмотрения в особом порядке уголовных дел при заключенном досудебном соглашении о сотрудничестве, вызванные смещением различных институтов «сделок с правосудием» // Российский судья. 2015. № 6. С. 26–30.

О НЕКОТОРЫХ ПРЕПЯТСТВИЯХ К ЗАЯВЛЕНИЮ ПРОКУРОРОМ ОТКАЗА ОТ ОБВИНЕНИЯ

А.А. Брестер, Н.С. Куikliна

Отказ прокурора от обвинения (особенно от обвинения в полном объеме) – крайне редкое явление для сферы правоприменения. Для примера, согласно официальным данным, предоставленным Прокуратурой Красноярского края, за 2012–2013 гг. в регионе имело место 3 полных отказа прокурора от обвинения. Частичных отказов по наиболее тяжкому преступлению за аналогичный период 5, по менее тяжкому – 37 [1]. Естественно, это в тысячи раз ниже, чем общее количество уголовных дел, рассмотренных в суде в указанном регионе, и вынесенных приговоров, в том числе оправдательных [2].

То, как регулируется и применяется данное полномочие, очень характерно показывает концептуальную неполноценность российского уголовного процесса, расположившегося на распутье между мифической состязательностью и своей публичной, следственной природой. Наиболее полное описание того, как именно регулирование отказа прокурора от обвинения демонстрирует неопределённость российского уголовного процесса, мы найдем в статье Л.В. Головки «Институты отказа прокурора от обвинения и изменения обвинения в суде: постсоветские перспективы в условиях теоретических заблуждений» [3]. Собственно, данный текст можно рассматривать как некоторое дополнение к этой статье.

Л.В. Головка подходит к анализу института отказа прокурора от обвинения через вопрос легитимации обвинительной деятельности прокурора со стороны общества. В сравнительно-правовом смысле выделяются две модели такой легитимации – политическая (на примере США) и юридическая (континентальная Европа). Так, в США право прокурора отказаться от обвинения легитимируется через прямое или косвенное избрание прокуроров населением (политический элемент) и отсутствие в процессе потерпевшего (процессуальный элемент). Это позволяет прокурору, выступающему от имени общества и находящемуся под его контролем, легитимно отказываться от обвинения, что не наносит вреда интересам потерпевшего (он не самостоятельная процессуальная фигура, а один из избирателей) и позволяет суду столь же легитимно выглядеть «пассивным арбитром», не вмешиваясь в прокурорское решение и не контролируя его [3. С. 50, 55].

В континентальной Европе суд обязан рассмотреть по существу любой уголовный иск, предъявленный прокурором в суд от имени общества, а из этого, в свою очередь, вытекает, что прокурор просто-напросто не вправе отказываться от обвинения – такого полномочия у него нет. Прокурор действует в уголовном процессе на основании некоей условной доверенности, выданной ему обществом. Общество доверило ему право предъявлять от своего имени иски к лицам, нарушившим уголовный закон, но не доверило права отказываться от этих исков. Именно наличие такой условной доверенности и является континентальной юридической конструкцией, легитимирующей в уголовном процессе деятельность прокурора и не позволяющей ей превратиться в произвол, волюнтаризм, «вкусовщину» и т.д. [3. С. 50, 57–58].

По мнению Л.В. Головки, «действующий УПК РФ *mutatis mutandis* воспроизводит американский подход, в соответствии с которым прокурор вправе отказаться от обвинения, что обязывает суд прекратить уголовное дело в связи с отсутствием спора между сторонами. При этом, в отличие от США, российский уголовный процесс не создавал и не создает для такого подхода благоприятного “правового климата”, поскольку, во-первых, в России нет политической ответственности прокуроров перед избирателями, что сразу ставит вопрос о легитимности их решений об отказе от уголовного преследования, а во-вторых, российская уголовно-процессуальная модель построена на широких полномочиях потерпевшего выступать в процессе в качестве активного участника уголовного судопроизводства» [3. С. 60].

Итак, решение вопроса об отказе прокурора от обвинения в России с позиции легитимации деятельности прокурора демонстрирует всю странность существующего положения вещей, когда политически неответственный прокурор при самостоятельной фигуре потерпевшего и без согласования с ним отказывается от обвинения и суд не может далее продолжать рассмотрение дела. Забегая вперед скажем, что сама абсурдность такой ситуации преодолена старым методом – бюрократическими механизмами согласования. До чего дошли эти согласования, мы также продемонстрируем. А пока остановимся на другой стороне деятельности прокурора – на его надзорной и познавательной деятельности в суде. С этих позиций существующий механизм отказа прокурора от обвинения также выглядит нелепо.

Первый вопрос, который мы поставим, звучит так: есть ли у прокурора обвинение, чтобы от него отказываться? Если подходить сугубо формально – да. Он назван в законе обвинителем, поддерживает обвинение. Но чтобы поддерживать обвинительный тезис, нужно быть убежденным в его правильности. Убежден ли прокурор в виновности лица и установленности всех необходимых обстоятельств, когда идёт в суд? Нет, у него убеждения и не может быть. Мы говорим не об эмоциональном убеждении, или уверенности, а о внутреннем убеждении, которое должно основываться на максимально рациональном компоненте. «Внутреннее убеждение по основным вопросам уголовного дела может быть сформировано только при реализации принципа непосредственности, который означает, что субъект уголовного процесса при рассмотрении уголовного дела должен сам исследовать доказательства по уголовному делу.

Исходя из смысла закона, можно сказать, что этот принцип в полном объеме должен быть реализован в рамках судебного разбирательства, именно от его реализации во многом зависят законность и обоснованность приговора. Это относится не только к судье, но и к прокурору» [4].

При утверждении обвинительного заключения нет основы для формирования у прокурора обвинительной позиции. Работая с ним, прокурор, безусловно, оценивает имеющиеся в деле доказательства и выясняет их относимость, допустимость и достаточность. Письменные материалы позволяют это сделать, но, основываясь на них, *нельзя сделать вывод о достоверности доказательств, так как последнее предполагает непосредственное исследование доказательств*, чего на данном этапе у него нет и быть не может [4].

Тогда какую функцию прокурор реализует в суде? Ту же, что и на предварительном следствии – надзора. Но надзирает он не за судом, а за законностью. И он не может иначе оценить законность, кроме как непосредственно, совместно с другими участниками исследовать все доказательства. Действующий УПК РФ, закрепляя статус прокурора в ч. 2 ст. 37, определяет его как лицо, поддерживающее с самого начала судебного производства по уголовному делу государственное обвинение. Однако не любое обвинение, а только законное и обоснованное (ч. 3 ст. 37 УПК РФ). Другими словами, поддерживать незаконное обвинение прокурор не вправе. А понять, законно оно или нет, можно лишь непосредственно, а не по бумажкам изучив доказательства.

Именно поэтому отказа от обвинения как такового быть не может до того момента, когда судебное следствие не окончено. После же судебного следствия у прокурора есть все, чтобы сформировать обвинительный тезис. Свой, а не следователя. И поддержать его или наоборот – отказаться выступать с обвинительной речью. Безусловно, и до окончания судебного следствия может возникнуть убеждение в невиновности лица. К этой ситуации мы вернемся, а пока рассмотрим непосредственно сам отказ от обвинения.

То, что прокурор может отказаться от обвинения именно после судебного следствия и в рамках судебных прений, указано, по сути, нормативно. Речь о правовой позиции Конституционного Суда РФ, изложенной в Постановлении от 08.12.2003 г. № 18-П «По делу о проверке конституционности положений статей 125, 219, 227, 405 и 408, а также глав 35 и 39 УПК РФ» в связи с запросами судов общей

юрисдикции и жалобами граждан [5]. Конституционный Суд отметил, что вынесение судом решения, обусловленного позицией прокурора об отказе от государственного обвинения, допустимо лишь по завершении исследования значимых для этого материалов дела, доказательств и заслушивания мнений участников судебного заседания. Аналогично п. 7 Приказа Генерального прокурора РФ от 25.12.2012 г. № 465 [6] закрепляет, что государственный обвинитель, руководствуясь законом и совестью, может отказаться от обвинения только после всестороннего исследования доказательств.

Таким образом, наши рассуждения о невозможности отказаться от обвинения до окончания судебного следствия подтверждаются и требованиями к практике реализации такого отказа. Исходя из представленного, возможности заявить отказ именно от обвинения до окончания судебного следствия не имеется. Мы, конечно, не исключаем, что основание указанной нормы приказа, например, совсем иное, нежели у нас (невозможность обвинять в принципе до изучения всех доказательств), но механизм задается верный. Отметим, правда, что механизм этот задается не законом, но его толкованием Конституционным Судом и на уровне ведомственных приказов.

Заявление об отказе от обвинения в рамках прений полностью соответствует континентальной модели, о которой мы писали выше. Такое заявление не порождает проблему продолжать или не продолжать суду исследование доказательств (оно уже закончено), дает защите и потерпевшему возможность высказаться в прениях сообразно услышанному от прокурора.

И, конечно, мнение прокурора не должно прекращать немедленно судебный процесс. Ни с позиций легитимации деятельности прокурора, что было обосновано Л.В. Головкин, ни с позиции прокурора-исследователя, надзирающего за законностью в суде. Структура публичного процесса такова, что ответственность за расследование и вынесение решения в данный конкретный момент несет только один субъект: на предварительном расследовании это дознаватель или следователь, в судебном разбирательстве – суд. Именно от них зависит движение процесса, они несут за него ответственность, именно их решение является итоговым, и только они (с некоторыми оговорками) могут решать судьбу процесса окончательно.

Очень логичной нам кажется в этом смысле конструкция ст. 740 Устава уголовного судопроизводства: «Если прокурор находит

оправдания подсудимого уважительными, то обязан, не поддерживая обвинительного акта, опровергнутого судебным следствием, заявить о том суду по совести». Статья эта располагается в главе 8, наименование которой не оставляет сомнений в моменте, когда прокурор может сделать такое заявление – «О заключительных прениях по судебному следствию». О том, что мнение прокурора должно повлечь прекращение дела или оправдательный приговор – ни слова.

Таким образом, если говорить об отказе именно от обвинения, то с учетом того, что обвинительный тезис как результат познавательной деятельности может появиться только после окончания судебного следствия, отказаться от него раньше нельзя. Что подтверждают и нормативные источники. Сам по себе такой отказ не должен обязывать суд выносить решение о прекращении дела или оправдательный приговор.

Однако мы уверены, что ситуация, которая делает нецелесообразным рассмотрение дела по существу, может возникнуть и раньше окончания судебного следствия. Так, могут быть установлены обстоятельства, исключающие преступность деяния, определено, что лицо не достигло возраста уголовной ответственности, выяснена недопустимость ключевых доказательств [7. С. 8–9] и другие подобные обстоятельства. Продолжать в этом случае судебное следствие, обзирать оставшиеся тома уголовного дела, заслушивать свидетелей может быть уже нецелесообразно и вредно для обвиняемого, так как всё это время он находится «под судом», часто к нему применена мера пресечения, в том числе заключение под стражу и домашний арест как самые строгие. Немаловажен здесь и вопрос экономии сил и средств. Завершить необоснованный процесс в таком случае как можно быстрее – важнейшая задача правоохранительной системы. И прокурор должен быть первым в этом желании.

Отказаться от обвинения, согласно нашим рассуждениям, он не может: обвинение у него ещё не сформировалось. Однако считаем, что прокурор обязан в том случае, когда в рамках судебного следствия не видит никакой возможности процессу завершится обвинительным приговором, заявить суду о нецелесообразности дальнейшего исследования материалов уголовного дела. По своей сути, это ходатайство о прекращении уголовного дела или вынесении оправдательного приговора без дальнейшего рассмотрения дела. Оно должно быть подробно мотивировано и обосновано. Прекращать дело должно в случае

выявления нереабилитирующих оснований, в остальных случаях судом должен выноситься оправдательный приговор.

Такое ходатайство может рассматриваться судом в общем порядке, немедленно, с заслушиванием мнения всех участников, при этом оно не является обязательным к удовлетворению (как сейчас), так как ответственным за вынесение решения все же остается суд. Естественно, отказ суда в удовлетворении просьбы прокурора не должен означать удаления последнего. Его функция — следить за законностью. И до тех пор, пока процесс продолжается, он обязан это делать. Хотя некоторые коллеги-процессуалисты предлагают передавать в этом случае обвинение потерпевшему с назначением ему адвоката и освобождением прокурора от участия в процессе [8, 9].

Отметим также, что и закон, и сложившаяся судебная практика допускают отказ прокурора от обвинения (в нашей терминологии — заявление о нецелесообразности дальнейшего исследования) и на этапе предварительного слушания. Что тоже вполне допустимо с позиции теории с той лишь важнейшей оговоркой, что решение в итоге должен принимать суд.

Не обойдем стороной и вопрос о потерпевшем, чтобы наше представление о конструкции рассматриваемого института было более цельно. Не вдаваясь сейчас в полемику относительно статуса потерпевшего и его прав, обратим лишь, вслед за Л.В. Головкин, внимание на то, что при наличии решающего мнения потерпевшего в вопросе отказа от обвинения или дальнейшего исследования, само существование процесса полагается на то, есть ли потерпевший или нет и насколько он активен [3. С. 52]. В такой ситуации суд устранялся бы от оценки доводов потерпевшего, реализуя только его желание продолжать процесс, даже если сам суд согласен с нецелесообразностью этого.

Считаем, что мнение потерпевшего обязательно должно учитываться и особо разбираться в решении о прекращении судебного процесса. Но оно не должно подменять собой публичную обязанность государства вести законный и обоснованный процесс и препятствовать обратному.

Таким образом, прокурор в публичном уголовном процессе, помимо прочего (включая возможность поддержать обвинение), должен обладать двумя полномочиями: возможностью отказаться от поддержания обвинения и возможностью заявить о нецелесообразности дальнейшего

исследования материалов дела. Причем первое полномочие может быть реализовано исключительно на этапе прений. И ни одно из указанных заявлений не должно влечь за собой безусловного его удовлетворения судом. Естественно, когда мы говорим о полномочии, то подразумеваем обязанность в силу специфики публичного права. Это же подтверждается и на ведомственном уровне. Так, в приказе Генпрокуратуры России указывается, что требование прокурора о постановлении обвинительного приговора при отсутствии доказательств виновности подсудимого расценивается государством как нарушение служебного долга. Обоснованный отказ прокурора от обвинения, напротив, свидетельствует о правильном понимании им своего долга [6].

Любые концептуальные противоречия в законе в нашей стране принято разрешать на ведомственном уровне. На том уровне, где закон «обрастает» новыми правами, обязанностями, процедурами и где зачастую на закон смотрят в последнюю очередь, ориентируясь на то, как он переписан в судебной практике, приказах и распоряжениях. Так произошло и с институтом отказа прокурора от обвинения. В условиях отсутствия тех элементов легитимности прокурора, что есть в США (а именно американская модель отказа от обвинения, напомним, описана в УПК РФ), доверить судьбу всего уголовного процесса рядовому работнику прокуратуры, не учитывая мнение потерпевшего, являющегося в нашем процессе достаточно сильной фигурой, оказалось невозможным. И невозможность эта породила крайне бюрократическую процедуру, размывающую ответственность за принятие решения об отказе от обвинения среди нескольких должностных лиц. Кроме того, наличие такой процедуры должно недвусмысленно напоминать работнику прокуратуры, что думать об отказе от обвинения лучше не стоит.

Хотя на уровне уже упомянутого приказа Генеральной прокуратуры все выглядит ещё более или менее просто. В соответствии с п. 8 приказа, «государственному обвинителю в случае расхождения его позиции с позицией, выраженной в обвинительном заключении или обвинительном акте, незамедлительно докладывать об этом прокурору, поручившему поддерживать государственное обвинение, который должен принять исчерпывающие меры к обеспечению законности и обоснованности государственного обвинения. В случае согласия с позицией государственного обвинителя уведомлять об этом прокурора, утвердившего обвинительное заключение либо обвинительный акт. В случае принципиального несогласия с позицией государствен-

ного обвинителя в соответствии со ст. 246 УПК РФ своевременно решать вопрос о замене государственного обвинителя либо самому поддерживать государственное обвинение».

Уже это позволяет нам целиком и полностью согласиться с критикой Л.В. Головки: «О каких “внутреннем убеждении”, “непосредственном исследовании доказательств” и т.д. можно вести тогда речь, если обвинитель обязан согласовывать свою позицию с “начальником”, который не присутствует в зале суда, не слышит свидетелей и т.д.?» [3. С. 61]. Правда, оговоримся, ученый приводит эти аргументы наряду с невозможностью и отказаться при наличии в УПК РФ существующей конструкции отказа от обвинения хотя бы от такого контроля: «Мы вовсе не собираемся критиковать данный приказ Генеральной прокуратуры РФ (на момент подготовки статьи Л.В. Головки опирался на приказ Генпрокуратуры РФ от 20.11.2007 г. № 185 (ред. от 26.05.2008) “Об участии прокуроров в судебных стадиях уголовного судопроизводства”, утративший силу 25.12.2012 г. – *Авт.*), понимая его вынужденный характер. Не превращать же в самом деле государственного обвинителя в лицо, “свободно” распоряжающееся обвинением без малейшего внешнего контроля со стороны общества, суда и т.д.! Когда уголовно-процессуальная система не дает внятного ответа на вопрос о “сдержках и противовесах” усмотрению государственного обвинителя в суде, а доктрина впадает в откровенную маниловщину, неизбежно возникают мелочные, бюрократические и внепроцессуальные формы контроля за представителем прокуратуры в суде, превращающие его в безликий “винтик”, полностью подчиненный “начальнику”, и убивающие сам институт государственного обвинения, по крайней мере его творческую составляющую» [3. С. 61].

Но ведомственные деформации на этом не заканчиваются. На уровне регионов существуют свои правила решения вопроса об отказе от обвинения. И вот уж где уровень бюрократизма и внепроцессуальности зашкаливает до, казалось бы, невозможных пределов. Проиллюстрируем сказанное на примере Красноярского края. Процедура согласования отказа государственного обвинителя от поддержания обвинения подробно регламентирована приказом прокурора Красноярского края «Об организации работы прокуроров в судебных стадиях уголовного судопроизводства» от 09.04.2013 г. (здесь и далее информация взята из информационного письма Прокуратуры Красноярского края от 23.04.2014 г. № 12-25-2014, полученного в ответ на запрос авторов).

Итак, допустим прокурор, поддерживающий государственное обвинение, пришел к выводу о необходимости отказа от него. Доложить о несогласии с выводами, отраженными в обвинительном заключении, прокурору, давшему поручение на поддержание обвинения, прокурор, участвующий в судебном заседании, должен посредством направления рапорта. Сделать это в ходе судебного заседания невозможно, в связи с чем прокурор должен заявить ходатайство об отложении судебного заседания в связи с необходимостью согласования позиции обвинения с вышестоящим прокурором.

Далее, согласно приказу прокурора Красноярского края государственный обвинитель и прокурор, поручивший поддержание обвинения, если они пришли к мнению о необходимости отказа, должны еще обеспечить согласование позиции об отказе от обвинения с уголовно-судебным управлением (отдел прокуратуры Красноярского края). Речь о случаях полного отказа от обвинения либо частично по наиболее тяжкому преступлению. Соответственно, готовится рапорт в этот отдел. Но и это ещё не всё.

При необходимости решения вопроса об обоснованности отказа от обвинения может быть создано заседание межведомственной рабочей группы по контролю за соблюдением конституционных прав граждан, членами которого являются представители МВД или СК, прокуроры отдела государственного обвинения, отдела по надзору за процессуальной деятельностью органов СК и МВД. Таким образом, ведомственный акт прокуратуры субъекта добавляет еще два уровня согласования решения об отказе от обвинения (с уголовно-судебным управлением прокуратуры Красноярского края и в рамках межведомственной комиссии). То есть в принятии решения об одобрении отказа от обвинения участвуют те, кто (ведомственно) участвовал в расследовании уголовного дела и проведении оперативно-розыскных мероприятий. Это при том, что действующий УПК, хотя бы на бумаге, но выстроен так, чтобы работа следователя, дознавателя именно предваряла суд, а не заменяла его. Способна ли такая комиссия объективно решить вопрос о необходимости отказа от обвинения? Скорее нет. И статистика её заседаний косвенно это подтверждает.

По инициативе прокуроров, участвовавших на территории Красноярского края в рассмотрении уголовных дел в суде, за 2012–2013 гг. проведено не менее 36 таких заседаний, причем всего за этот период имело место 8 отказов прокурора от обвинения (как полных, так и

частичных по наиболее тяжкому преступлению). То есть сначала возникли сомнения у прокурора в суде, затем у его непосредственного руководителя, затем у уголовно-судебного управления, и только межведомственная комиссия была способна их разрешить, причем более чем в 77 % случаев – отрицательно.

Одна небольшая часть статьи, одно полномочие (пусть и очень значимое), которое концептуально никак не вписывается в модель процесса, созданную этим же законом, чтобы не перечеркнуть весь остальной процесс, превращается в громоздкую межведомственную процедуру, итогом которой может быть решение обезличенной межведомственной комиссии, пусть и заявленное в суде конкретным прокурором. Такая процедура, естественно, одобряется и в среде прокурорских работников, которые расценивают ее как вполне обоснованную. Практически 79% опрошенных нами прокурорских работников считают процедуру согласования отказа от обвинения с вышестоящим прокурором обоснованной и необходимой. Процедура согласования, на их взгляд, позволяет избежать скоропалительных и необдуманных решений, является своеобразным фильтром для отсеивания субъективных мнений (анкетный опрос проводился в 2014 г. среди работников органов прокуратуры Красноярского края, поддерживавших государственное обвинение в суде; всего были обработаны 52 анкеты).

По нашему мнению, фильтром, способным отсеять необоснованные суждения прокуроров, принимающих участие в рассмотрении уголовных дел, должен являться суд, который при разрешении ходатайства прокурора об отказе от обвинения (исследования) может, в том числе, отказать в его удовлетворении и, таким образом, предотвратить ошибочное или поспешное решение прокурора. При этом суд, вопреки позиции Конституционного Суда, высказанной еще до введения в действие нынешнего УПК РФ [10], не встает на сторону обвинения, он просто продолжает разбираться в том, что на самом деле произошло в прошлом.

Сказанное выше наглядно демонстрирует, как положения закона, которые не согласованы ни с другими положениями, ни с началом уголовного процесса (в нашем случае с публичным), создают некоторый «параллельный мир», в котором происходит попытка хоть как-то согласовать закон и реальность, но попытка эта скрыта, а это значит, что контролировать происходящее, реагировать на него не может ни участник процесса, ни исследователь. В сфере уголовного процесса,

где более всего ограничиваются конституционные права и меняется жизнь граждан и их близких, создание таких параллельных систем недопустимо. Надо стремиться к максимальной согласованности между тремя сферами процесса – некоторой идеальной его моделью, тем, как он описан в законе, и ведомственной практикой. Пока же многое отдано на откуп последней сфере, причем иногда уже за рамками уголовно-процессуального закона.

И в этом смысле приведенные в этой и других статьях аргументы свидетельствуют только о том, что мы должны отказаться от института отказа прокурором от обвинения в том виде, в котором он сейчас существует. Прокурор может фактически отказаться от обвинения в прениях, но суд вынесет решение самостоятельно. Прокурор может заявить о нецелесообразности дальнейшего исследования материалов дела, но суд сам принимает решение о том, продолжать судебное разбирательство или нет. Это позволяет и прокурору быть свободнее в своей позиции, не брать на себя не свойственную ему ответственность за судьбу процесса, и потерпевшему оставляет шанс реализовать свои права.

ЛИТЕРАТУРА

1. Информационное письмо Прокуратуры Красноярского края от 23.04.2014 № 12-25-2014.
2. Итоги работы районных (городских) судов Красноярского края за 12 мес. 2013 г. URL: <http://usd.krk.sudrf.ru/modules.php?name=stat&id=36>
3. Головкин Л.В. Институты отказа прокурора от обвинения и изменения обвинения в суде: постсоветские перспективы в условиях теоретических заблуждений // Государство и право. 2012. № 2. С. 50–67.
4. Барабаш А.С. Публичное начало российского уголовного процесса. СПб. : Юридический центр Пресс, 2009. 420 с.
5. По делу о проверке конституционности положений статей 125, 219, 227, 229, 236, 237, 239, 246, 254, 271, 378, 405 и 408, а также глав 35 и 39 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросами судов общей юрисдикции и жалобами граждан : постановление Конституционного Суда РФ от 08.12.2003 № 18-П // Собрание законодательства РФ. 2003. № 51. Ст. 5026.
6. Об участии прокуроров в судебных стадиях уголовного судопроизводства : приказ Генпрокуратуры России от 25.12.2012 № 465 (документ опубликован не был).
7. Колпашникова В.М. Теоретические и практические вопросы участия государственного обвинителя в суде первой инстанции : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2006. 21 с.

8. Жумаканова Н.А. Отказ прокурора от обвинения: вопросы теории и практики : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2015. 27 с.
9. Михайлов А.А. Изменение прокурором обвинения и отказ прокурора от обвинения в суде первой инстанции : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2008. 28 с.
10. По делу о проверке конституционности положений пунктов 1 и 3 части первой статьи 232, части четвертой статьи 248 и части первой статьи 258 Уголовно – процессуального кодекса РСФСР в связи с запросами Иркутского районного суда Иркутской области и Советского районного суда города Нижний Новгород : постановление Конституционного Суда РФ от 20.04.1999 № 7-П // Собрание законодательства РФ. 1999. № 17. Ст. 2205.

О КОЛИЧЕСТВЕННОМ СОСТАВЕ КОЛЛЕГИИ ПРИСЯЖНЫХ ЗАСЕДАТЕЛЕЙ

Н.А. Дудко

Проблема состава суда при рассмотрении уголовного дела – одна из тех, которые привлекают особое внимание практиков и ученых-процессуалистов. Объясняется это общим стремлением найти оптимальный вариант состава суда, при котором вероятность судебных ошибок была бы минимальной. Прежде всего это касается коллегиального состава суда присяжных.

Суд присяжных по Уставам уголовного судопроизводства 1864 г. [1. С. 178, 184] состоял из 3 профессиональных судей (ст. 595) и 12 комплектных присяжных заседателей (ст. 658). В судах многих стран англосаксонского права предусмотрено такое же количество присяжных заседателей. В европейских странах действуют разнообразные составы суда присяжных [2. С. 11]: Бельгия – 3 судьи и 12 присяжных; Франция – 3 судьи и 9 присяжных; Испания – 1 судья, 9 комплектных и 2 запасных заседателя; Австрия – 3 судьи и 8 заседателей; Норвегия – 3 судьи и 10 присяжных. УПК Республики Казахстан предусматривает рассмотрение уголовных дел судом присяжных в составе 1 судьи и 10 присяжных заседателей (ст. 52) [3]. По УПК Украины уголовное производство в суде первой инстанции может осуществляться судом присяжных в составе 2 профессиональных судей и 3 присяжных (ст. 31) [4].